

Научная статья

УДК 81'2; 81'37; 81'38

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

Александр Архипович Буров^{1*}, Галина Петровна Бурова²

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

professorburov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6839-4833>

² Ставропольский государственный педагогический институт - филиал в г. Ессентуки (д. 7, ул. Долина Роз, Ессентуки, 357635, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, доцент

burova_nauka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0180-0988> *

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Вопрос о способах номинации в русском языке остается актуальным прежде всего в плане определения списка единиц, участвующих в решении задач авторского обозначения денотатов, формирующих поэтическую картину мира. Настоящее исследование основано на анализе текстов русской поэзии XIX – XX веков. **Материалы и методы.** При анализе стихотворного материала использованы как традиционные методы, такие как структурно-функциональный, так и положения авторской методики, разработанной в теории номинационно-синтаксического семиозиса образных синтаксических единиц художественного текста. **Анализ.** Производные номинационно-синтаксического семиозиса поэтической номинации в тексте рассматриваются в качестве наиболее ярких способов эстетической трансформации авторской экспрессии. Наиболее ярко эвристический ресурс экспрессивного наименования проявляется при употреблении поэтических образных средств. Высказывается предположение, что истоки поэтической эвристики восходят к пушкинскому «сильному» тексту, поэтика которого пронизана эстетической синергией, рожденной соработничеством мастера и Творца. Номинационно-синтаксический способ атрибуции в условиях «сжатия стихового ряда» формирует особый язык описания, свидетельствующий о трансформации поэтического знака: «экспрессема → эвристема». Предполагается, что тем самым обнаруживается эвристический

эстетический энергетический импульс автора, проявляющийся как на словарном, так и на синтаксическом уровне поэтического текста. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, согласно которому номинационно-синтаксический семиозис способствует открытию глубинности внутренней формы образного наименования, достигающего в поэзии «неслыханной простоты» (Б.Л. Пастернак), а синергия синтаксической номинации в русском поэтическом тексте выражает коммуникативно-эстетический идеал славянского языкового сознания.

Ключевые слова: русский язык, языковое сознание, поэтическая образность, экспрессия, номинационно-синтаксический семиозис, атрибуция, эвристическая номинация

Для цитирования: Буров А. А., Бурова Г. П. Эвристический ресурс номинации в русском языке (на материале поэтического текста) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. №1. С. 148–154 <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.03.2025.

Research article

HEURISTIC RESOURCE OF NOMINATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON POETIC TEXT)

Alexander A. Burov^{1*}, Galina P. Burova²

¹ Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

professorburov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6839-4833>

² Stavropol State Pedagogical Institute - branch in Essentuki (7, Dolina Roz St., Essentuki, 357635, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

burova_nauka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0180-0988>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The question of the methods of nomination in the Russian language remains relevant primarily in terms of determining the list of units involved in solving the problems of the author's designation of denotates that form a poetic picture of the world. This study is based on the analysis of texts of Russian poetry of the XIX – XX centuries. **Materials and Methods.** In the analysis of the poetic material, both traditional methods were used, such as structural-functional, and the provisions of the author's methodology developed in the theory of nomination-syntactic semiosis of figurative syntactic units of a literary text. **Analysis.** Derivatives of nomination-syntactic semiosis are considered poetic nomination in the text are considered as the most striking ways of aesthetic transformation of the author's expression. The heuristic resource of expressive

naming is most clearly manifested in the use of poetic figurative means. It is suggested that the origins of poetic heuristics go back to Pushkin's "strong" text, the poetics of which is permeated with aesthetic synergy born of the collaboration of the master and the Creator. The nomination-syntactic method of attribution in the conditions of "compression of the verse series" forms a special language of description, indicating the transformation of the poetic sign: "expresseme → heuristeme". It is assumed that this reveals the heuristic-aesthetic energetic impulse of the author, manifested both at the dictionary and syntactic levels of the poetic text. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that the nomination-syntactic semiosis contributes to the discovery of the depth of the internal form of the figurative name, reaching "unheard-of simplicity" in poetry

© Буров А. А., Бурова Г. П., 2025

(B.L. Pasternak), and the synergy of syntactic nomination in the Russian poetic text expresses the communicative-aesthetic ideal of the Slavic linguistic consciousness.

Keywords: Russian language, linguistic consciousness, poetic imagery, expression, nomination-syntactic semiosis, attribution, heuristic nomination

For citation: Burov AA, Burova GP. Heuristic resource of nomination in the Russian language (based on poetic text). *Humanities and law research*. 2025;12(1):148-154. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.19>

Введение. Вопрос о способах и единицах номинации и их функциях в русском языке, интересовавший на рубеже XX и XXI веков представителей структурно-семантического и функционально-стилистического направлений лингвистики, прежде всего в ономазиологическом ракурсе [24; 25; 3; 10 и др.], и получивший заметный импульс в исследованиях антропоцентрического (когнитивно-лингвистического и лингвокультурологического) характера [1; 12 и др.], по-прежнему остается актуальным. В частности, это относится к характеристике наименований, которые образуются в художественном тексте и участвуют в решении задач авторского экспрессивно-эстетического обозначения денотатов, формирующих поэтическую картину мира.

Цель работы: обосновать авторское представление об эстетико-эвристическом ресурсе синтаксической номинации в русском поэтическом дискурсе. Задачи исследования: представить специфику семиозиса синтаксической номинации в пространстве поэтического текста как целостного эстетического знака; выявить особенности метаморфозы экспрессема → эврестема в поэтическом тексте как явления антропогенного номинационно-синтаксического семиозиса, который открывает, с одной стороны, выход наименования в особое измерение поэтической эвристики, а с другой – является метатекстовым средством авторского художественного самопознания.

Открытие эвристического ресурса поэтической номинации в русской художественной словесности, по нашим наблюдениям, связано с именем А.С. Пушкина, чья поэтика как индивидуально-авторский путь эстетического познания и образного воплощения действительности в языке запечатлела в структурной ткани авторского идиостиля *многоголосие души русского народа как этноса*, – феномен, получающий мощное развитие в послепушкинской отечественной поэзии.

Материалы и методы. Настоящее исследование проведено на материале текстов русской поэзии XIX – XX вв. При анализе стихотворного материала использованы не только традиционные методы, такие как структурно-семиотический и структурно-функциональный, но и положения авторской методики, которая разработана в теории синтаксической номинации [3 и др.] и связана с анализом номинационно-синтаксического семиозиса образных синтагматических комплексов, возникающих в художественном тексте [4]. Данная методика базируется на принципе знаковой репрезентации внутренней формы атрибутивной номинации фрагментов авторской поэтической картины мира разноструктурными синтаксическими единицами [23, с. 387 и след.]. Они выступают производными номинационно-синтаксического семиозиса, способными употребляться на уровне образного эстетико-эвристического бытия в поэтическом тексте. Единицы синтаксической номинации рассматриваются при этом как средства метаописания индивидуально-личностного погружения в «остановленное мгновение» художественной атрибуции, лежащей в основании наименования денотата.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 11.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.03.2025.

Ставшее уже привычным мнение, согласно которому познание действительности и его закрепление в языковой картине мира происходит в процессе деятельности человека и утверждения в сознании определенной антропоцентрической системы материальных и духовных ценностей, получающих свое именование [см., например: 1 и др.], справедливо, на наш взгляд, лишь тогда, когда языковые факты отражают синергию автора и Творца, чей промысел заложен в органике языка и является источником его эстетической энергии. Сказанное определяет ракурс применения в работе аналитических элементов лингвистического, текстологического, синергетического плана, когнитивно-дискурсивного, синергетического плана, а также принципа гармонической организации текста и метатекста [22].

Определение и характеристика эстетико-эвристического принципа, лежащего в основе организации поэтического языка описания как ракурса открытия эвристической образности авторской экспрессии, опирается на использование соответствующих языковых структур. Это и есть то «проблемное «звено», характеристика которого обуславливает научно-исследовательскую *целесообразность и ценность* нашей работы. *Новизна* же её видится нам в характеристике специфики эвристического измерения поэтического знака, которое открывается благодаря семиозису синтаксической номинации в русском поэтическом тексте.

Анализ. *Nomen est omen.* Слово есть знак. Язык – это знаковая система, а слово – одно из знаковых средств, осуществляющих номинацию. В русском языке семантическая емкость словарной единицы номинации в сочетании с целью оформленностью и грамматической гибкостью обеспечивают ей особую функционально-прагматическую универсальность, усиливающуюся благодаря богатству деривационной синтагматики (внутрисловный синтаксис) и парадигматике формообразования. Сказываются многовековая практика словоупотребления и специфика исторического развития национального русского языка, с его уникальным синтезом полидиалектного устно-речевого многоголосия и тысячелетней Кирилло-Мефодиевской письменно-литературной традиции, а также сложный и неоднозначный опыт различных по своему характеру контактов великорусского словаря с лексиконами как родственных, так и далеких, с точки зрения родства и дружественности, языков. Отметим и собственно человеческий фактор – этноментальную специфику, душевность, дружелюбие и открытость великого народа как хранителя данного словаря и носителя русского языка (вспомним знаменитую характеристику нашего языка, данную М.В. Ломоносовым в преамбуле к «Российской грамматике» 1755 г. [14]). Резюмируем: русская традиция речевого наименования обладает неисчерпаемо богатыми и разнообразными антропоморфными ресурсами как плана содержания, так и плана выражения языковых *единиц антропогенного характера*. Среди них – и те, что свя-

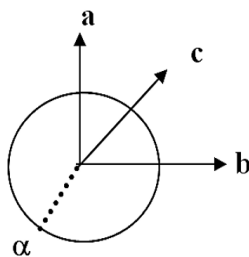
заны с решением задач авторской номинации, в том числе и экспрессивно-эстетического плана.

Богатейшие изобразительно-выразительные ресурсы поэтики атеистического стихотворного текста открыты гением А.С. Пушкина. Ему было суждено решить три задачи: «во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих – ввести эту гармонию во внешний мир» [2, с. 162]. Только так рождается «сильный» текст (В.П. Григорьев), высокая художественность которого соответствует духовным и нравственным критериям оценки.

Пушкинский подход к поэтике слова уже на протяжении более двух веков не только определяет развитие русского литературного языка, но и творит историю отечественного эстетического сознания. Именно поэтому так важен эстетический принцип, сформулированный В.М. Жирмунским: «...исходить из материала вполне бесспорного и, независимо от вопроса о сущности художественного переживания, *изучать структуру эстетического объекта, в данном случае - произведения художественного слова* (выделено нами. – Г.Б., А.Б.)» [8, с. 23]. Анализ текста должен определяться структурой идиостилии его автора как языковой личности, с присущим ей эстетическим мировосприятием (пушкинское: «Велению божию, о муза, будь послушна...»).

В процессе поэтической номинации рождающаяся в сознании энергия образного Духовного посыла приобретает словесное выражение в ткани текста (textill), в чьих «складках» (Ж. Делёз) формируются его элементы – языковые единицы. Характеризуя конструктивно-стилевой вектор «беллетристикум», В.Г. Костомаров говорит об авторском «постижении в себе то ли сознанием, то ли ощущением... строя образов, мыслей, чувств, звуков в такой связи, в какой они до того не связывались никем. Это позволяет писателю (а поэту – в первую очередь! – А.Б., Г.Б.) вскрыть правду о мире, показав его через самопознание в новом виде, посмотрев на него с новой, личностно-индивидуальной, «авторской» точки зрения» [9, с. 107-108].

Правда о мире, представляемая «через самопознание в новом виде... с новой, личностно-индивидуальной, «авторской» точки зрения» главное назначение поэзии. Поэтический текст характеризуется своим конструктивно-стилевым вектором, организующим его пространственную семиотическую структуру, в которой помимо традиционно выделяющихся трех континуумных измерений знака (словарь, синтаксис, прагматика) [15], на наш взгляд, следует выделять и четвертое измерение, которое целесообразно считать *эстетико-эвристическим*.

- a - парадигматика (словарь) текста
- b - синтагматика текста
- c - прагматика текста
- α - эвристика текста

Опираясь на философскую традицию, мы придерживаемся утверждения, согласно которому эвристика представляет собой «1) момент открытия нового; 2) методы, используемые в процессе такого открытия» [18, с. 532]. Собственно филологический ракурс актуальности выделения эстетико-эвристического подхода к употреблению языковых средств поэтическом тексте находим в трудах В.П. Григорьева [6, с. 675 - 676], Н.А. Фатеевой [17, с.20], И.И. Чумак-Жунь [20, с.211] и др. исследователей. Очевидно, что такое базовое понятие филологии, как категория поэтическое, непременно включает вектор эвристики как качества, определяющего специфику художественного сознания автора и выход сотворенного им в особое эстетическое измерение языка и его единиц. «Эстетико-эвристический вектор языка», по мнению Н.А. Фатеевой, объясняет появление в творчестве А.С. Пушкина всех поэтических новаций, или «трансформаций», которые «имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую» [17, с. 20].

Проанализируем наши наблюдения над тем, какую роль играет номинация в открытии эстетико-эвристического измерения поэтического знака.

В русском поэтическом дискурсе эвристический метод художественного познания как обнаружения остановленного мгновения эстетического бытия («чудное мгновение») впервые обозначился у А.С. Пушкина, когда поэт не только свободно оперирует синтезом образных средств, но и открывает в привычной номинации как речевом знаке новый, необычный ракурс восприятия глубинной структуры его внутренней формы. Мы убеждены, что с эстетическими принципами пушкинской речевой стратегии лирического восприятия картины окружающего мира и ее отдельных фрагментов коррелирует идиостилевой подход к структуризации текстового пространства – организации поэтического текста на основе принципа номинационно-синтаксического семиозиса отрезков, одновременно осуществляющих номинацию денотатов в тексте и их авторскую метатекстовую (метамодалую) характеристику и оценку.

Синтаксическую номинацию мы рассматриваем в качестве текстового способа представления внутренней формы авторского образа – представления об обозначаемом денотате. При этом задействуются динамические механизмы текста, включающие весь синтаксический арсенал сочетаемости в процесс номинации [3 и др.]. Обозначение любого денотата в тексте, и прежде всего предметного, связано с позиционной фиксацией в тексте, вербальным закреплением за внутренней формой обозначаемого структурного бинама НАП (носитель атрибутивного признака) – АП (атрибутивный признак).

В поэтическом тексте актуализации денотативной позиции того синтаксического отрезка, который закрепляется за номинацией как производным номинационно-синтаксического семиозиса, помимо естественной аритмии (спондеев, пиррихий и под.), а также характера системы стихосложения (так, тоническая стихосложение построено на позиционной актуализации «ступеней» текстовой «лесенки», прежде всего в денотативных позициях), естественной аритмии (спондеев, пиррихий и под.), а также характер системы стихосложения (так, тоническая стихосложение построено на позиционной актуализации «ступеней» текстовой «лесенки», прежде всего в денотативных позициях), – во многом способствует ритмомелодическое «сжатие стихового ряда», меняющее привычные структурно-семантические и функциональные связи слов [10].

Ср. пушкинское послание А.П. Керн (К***):

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

Совершенно очевидно, что задачи авторской образной экспрессии здесь возложены на употребление определений, выражающих признаки взволнованного душевного состояния лирического героя: *чудное мгновенье*, *мимолетное виденье*, *гений чистой красоты*, *голос нежный*, *милые черты*. Однако ясно и то, что возникающее явление эпитетации связано не только с употреблением прилагательных-определений, но с процессом номинации, в котором одновременно называется денотат и выражается отношение к нему говорящего. Текст номинации неизбежно обозначен целым эпитетным комплексом, словосочетанием, синтаксическим отрезком текста, причем самой различной степени сложности и конфигурации [3; 4 и др.]. Более того, называемый денотат запечатлевается в нашем сознании как остановленное мгновение эстетического бытия, которое может длиться бесконечно долго.

Вполне понятно, что подобные эпитетно-синтагматические комплексы, обладая экспрессивно-эстетическим пространством (АП + НАП), участвуют в выражении особого эмоционального состояния автора, передающегося реципиентам. Возникающее состояние душевного подъема или духовного прозрения и т.д., по-видимому, и есть то, что в античности именовалось катарсисом.

Номинация традиционной тропики у Пушкина – яркий показатель нового принципа речевой стратегии поэтической экспрессии, на протяжении двух столетий определяющего специфику поэтической номинации в «сильной» русской поэзии.

В самом деле, при переносном употреблении самостоятельной лексической номинации атрибутивный признак, уже генетический ставший частью ее внешней формы, не требует особой вербальной формы выражения. Ср. метонимию слова «зоря» у А.С. Пушкина:

Зорю бьют... Из рук моих

Ветхий Данте выпадает.

На устах начатый стих

Недочитанный затих —

Дух далече улетает.

Звук привычный, звук живой

Сколь ты часто раздавался

Там, где тихо развивался

Я давнишнюю порой.

(«Зорю бьют...»)

В этом же контексте метонимическое употребление имени собственного (*Данте*) получает у автора эпитетное расширение, значительно повышающее «коэффициент» экспрессии. Налицо очевидное эстетическое взаимодействие эпитета-атрибута (*ветхий*) как АП и представляемого метонимически основного носителя признака (томик стихов Данте Алигьери) – НАП.

Отметим в рассматриваемом лирическом тексте еще два случая проявления номинационно-синтаксического семиозиса:

а/ На устах начатый стих/ Недочитанный затих — здесь подтверждается авторский подход к эпитетации как синтаксическому расширению АП (*недочитанный*

затих) и употреблению эпитетного комплекса с контекстно маркированным НАП (*начатый стих*);

б/Звук привычный, звук живой, /Сколь ты часто раздавался/ Там, где тихо развивался/ Я давнишнюю порой. В данном случае мы имеем дело с метонимическим (вплоть до синекдохи) развитием начального лейтмотива (*Зорю бьют...*) за счет двух случаев инверсионной эпитетации к НАП «звук» (*привычный; живой*) в актуализированной позиции обращения, а также с употреблением фразового синтаксического наименования (*там, где тихо развивался я давнишнюю порой*), позволяющего поэту включить в номинацию момент авторской самохарактеристики за счет метатекстового комментария. Автор считает важным выразить своё субъективное, индивидуальное, личностное представление как открытие образа денотата.

Мы видим, что пространство всего синтаксического наименования, которое может быть заполнено самыми различными отрезками текста, принимает участие в репрезентации внутренней формы образного представления как своеобразного «созначения»-посредника между содержательной и формальной стороной номинации, отражая культурно-исторический опыт народа и соотносясь со значением употребляемого слова, как предположил В.В. Виноградов [5, с. 20]. «Созначаемое» (или «ближайшее этимологическое значение», по А.А. Потебне [13]), и является собственно атрибутивной составляющей образной синтаксической номинации, где динамически уравновешены атрибутивный признак и его носитель

Любая номинация по природе своей синтаксична, поскольку основана на атрибуции как закреплении за внешней, вербальной, формой знака, мотивирующего смысл признака атрибута, признака, определяющего и различающего данный денотат в ряду ему подобных его как данность [11]. В языковом сознании коммуниканта атрибут-«мотиватор» номинации кладется в основание внутренней формы наименования, представления о денотате – «образа образа», как сам А.А. Потебня, разрабатывая свою ономастическую концепцию развития языка, определял внутреннюю форму поэтического знака, причем не только лексического, но и являющегося целым поэтическим текстом [13, с.130].

В поэтическом тексте, с его установкой на экспрессивность выражения, номинационно-синтаксический семиозис свидетельствует о взаимодействии семантического, синтаксического и прагматического измерений текста как знака, создавая условия для синтеза приемов и средств тропики и фигуративного синтаксиса. Происходит вполне закономерная естественная трансформация экспрессии, связанная с её переходом в эвристическое измерение.

В языке поэзии номинация как ни в какой иной речевой сфере раскрывает динамичность своей атрибуционной основы. В поэтическом тексте нередко наблюдается проявление динамики самого процесса атрибуционного поиска автором внутренней формы номинации за счет определенных синтаксических моделей семантизации слова. Авторская «лексикография» свидетельствует о колоссальных образно-экспрессивных номинационных ресурсах русского поэтического синтаксиса: дескрипций различного плана, синонимических рядов, фразовых дефиниций («тот, кто...», «то, что...», «всё, что...» и под.), и др. Сравним пастернаковское «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,

Это — щелканье сдавленных льдинок.

*Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.
Это – сладкий загложший горох,
Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и с флейт – Figaro
Низвергается градом на грядку.
Всё. что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях*

В данном тексте первые восемь строк соответствуют бинарной атрибуционной модели, где НАП выражен дейктивом «это», замещающим определяемое слово «позиция», в то время как АП в начальных шести случаях представлен параллельным рядом непредикативных словосочетаний (синтагму «ночь, леденящая лист» можно рассматривать как полупредикативную), насыщенных метафоризацией, эпитетацией и метонимией, варьированием порядка слов и необычной авторской сочетаемостью смыслов. Седьмой по счету АП – предикативный (пропозитивная номинация с актуализированным детерминантом «с пультов и с флейт»). Девятую и десятую строчки занимает парцеллят – обобщающая фразовая номинация, выраженная субстантивным местоименно-соотносительным придаточным с коррелятом «всё».

Все авторские производные номинационно-синтаксического семиозиса насыщены метафоризацией, эпитетацией и метонимией, варьированием порядка слов, для них характерна необычная сочетаемость смыслов.

Заметим, что в поэтическом тексте атрибуция основана на динамическом равновесии прагматики и эстетики, рационального и эмоционального, причем последнее за счет ритмомелодики и рифмованного «сжатия стихового ряда» усиливает звучание мелоса, ослабляя информационный план и усиливая экспрессию синтагматики.

В поэтическом дискурсе ярко обозначена творческая антропогенность языковой личности автора и его идиостиля, в структуре которого проявляются субъективность, индивидуальная ощущаемость образности и имманентность эстетической позиции [20]. Подтверждается предлагаемая Н.Ю. Шведовой интерпретация базового для лингвистического антропоцентризма «тезиса о человеке, стоящем во главе языковой картины мира, ее организующем и оценивающим» (выделено нами – А.Б., Г.Б.)» [21, с. 38]. Автор «сильного» поэтического текста (чья поэтика соответствует критериям высокой художественной энергетики [ср.:6]) следует эстетическому принципу античной эстетики – синергии как взаимодействию художника и Творца в *процессе со-творения и открытия Красоты*. Явление Музы божественно, потому что позволяет поэту остановить и запечатлеть в вербальном знаке прекрасное мгновение особого эстетического бытия как *эвристического состояния открытия Истинной Красоты, которая обретает облик естественной «неслыханной простоты» Б.Л. Пастернака*. Сеем предположить, что ни один из известных современной филологической науке методов эстетического анализа не способен приблизиться к объяснению явления Музы художнику, – это подвластно лишь *методу остановленного мгновения эвристического бытия Красоты*. Суть эвристики состоит в обретении этой свободы добровольного и бескорыстного служения Тому, Кто или Что в Начале. Чтобы обрести – надо верить, ибо только Вера есть основа эвристического пути поэтического познания.

Об этом убедительно свидетельствует номинационно-синтаксический семиозис номинации крест в одноименном тексте стихотворения Н.С. Гумилева. Мы переносимся в ночной игорный дом начала прошлого века в тот кульминационный момент, когда герой, страстный картежник, оказывается, казалось бы, в безвыходной ситуации:

*Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звёзды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.
В холодном безумьи, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побеждён.
Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.*

Герой – православный христианин, видимо, дворянин и, по давнему обычаю, носит нательный золотой крест. Здесь крест – лексическая номинация, обозначающая культовый христианский символ из золота, висющий на груди. Повинуясь какому-то внутреннему порыву (может быть, и пытаясь покаяться), персонаж Гумилева чисто рефлекторно подносит к губам свой нательный крест.

В сознании героя внезапно возникают слова, кто их произносит, неясно, но мы вместе с автором и героем их отчетливо слышим:

*– Стать вольным и чистым, как звёздное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!*

«Святыня креста» – данный номинационно-синтаксический контекст обозначает то, что призвано не просто прояснить, а категорически усилить, актуализирует силу нравственной экспрессии главной семы слова *крест* – символ спасения и искупления человеческого греха, знак, который оставил нам Спаситель, добровольно пойдя на смерть и завещав нам путь тяжелой доли, испытаний судьбы, страданий [7]. Кажется, вот-вот наступит мгновение покаяния – это единственная альтернатива для героя как верующего человека в сложившейся ситуации. Но происходит совершенно обратное, и главный символ Веры теряет свою святую духовную ипостась, и остается только «золотой предмет в форме двух пересекающихся линий», украшение, которое имеет лишь материальную ценность. Выходит, остановить мгновения Откровения и Очищения души, а уж тем более продлить его не удалось...

*Мгновенье... и в зале весёлой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошёл, воспалённый, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.*

Вторая, нравственная, кульминация текста гумилевского стихотворения, являющаяся одновременно и развязкой действия, потрясает наше воображение. Эвристическое мгновение – но уже не Красоты, а Правды (как некое «антисостояние» торжества греха над Добродетелью) – *все-таки наступает и даже пролонгируется*, оно как бы «застывает» в нашем сознании, причем у каждого из нас: финальная синтаксическая номинация как уже устойчивое сочетание *мой крест* (не «мой крест золотой» – свободное словосочетание, как

звучало в конце третьего катрена) характеризуется вектором перволичного дейксиса («я»). Адресация автора очевидна: это может быть как прощение, сожаление, сочувствие, сострадание, так и внутреннее неприятие, протест, возмущение, осуждение, гнев. Но это далеко не равнодушные.

Внутренний голос Свыше, прозвучавший в нашем сознании одновременно с героем, ставит нас самих перед нравственным выбором: каждый из нас в данное остановленное автором мгновение текста ощущает в душе возможность выбора (он всегда у нас есть!) – *эстетически реальное мгновение бытия Правды*. Само состояние добровольного отречения от самого себя как Божьего творения даже трудно себе вообразить, а значит – и невозможно описать: «*мой крест*» – закономерный финал. Герой Гумилева добровольно выбирает свою судьбу – *свой крест как состояние бездуховности, предательства своей души, отречение от Веры как самоуничтожение*, и метатекстовая семантизация данного состояния, обычно не выделяемая толковыми словарями (ср.: [7]) происходит в подтексте: работает эвристический эффект умолчания. Вместе с тем, в стихотворном тексте за счет употребления целого синтаксического ряда инфинитивных конструкций автором предложен вариант решения проблемы. (авторский внутренний голос – Господь? совесть?). Но цепочка атрибутивных признаков – насыщенных семантической экспрессией гипотетических императивов, но нейтральных инфинитивов, которые могут стать индикативами, оказывается лишь последовательностью формальных знаков-символов. Зато лексическая номинация *крест* приобретает в тексте символическое (назовем его эвристическим) значение. в котором *открывается* реальная сила неизбежности Божьей кары за осквернение чистоты Веры.

Номинационно-синтаксический семиозис в поэтическом тексте рассматривается нами одновременно и как

акт антропогенного выхода в эвристическое познание мира, и как метод авторского метатекстового самопознания языковой личностью поэта. Результат данного семиозиса – метаморфоза *экспрессема* → *эвристиема*.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, согласно которому номинационно-синтаксический семиозис способствует открытию глубинности внутренней формы образного наименования, достигающего в поэзии «неслыханной простоты» (Б.Л. Пастернак), а синергия синтаксической номинации выражает коммуникативно-эстетический идеал славянского языкового сознания, основанного на высоких гражданских нравственных идеалах и исторически руководствующегося мыслью о единстве, гармонии и согласии в мире.

Мы предполагаем, что эвристический метод художественно-образного познания мира заключается в открытии запечатленных («остановленных») мгновений эстетического бытия в поэтическом тексте. Одним из способов речевого выражения внутренней формы данных эвристических мгновений (состояний) в языке русской поэзии выступают производные синтаксической номинации.

Номинационно-синтаксический семиозис в поэтическом тексте рассматривается одновременно и как акт антропогенного выхода в эвристическое познание мира, и как путь авторского метатекстового самопознания. Поэтический текст как комплексный художественный знак и формирующиеся в нем синтаксические наименования образуют образный ресурс особого эстетико-эвристического измерения, в котором формируется текстовое и метатекстовое пространство образной атрибуции и проявляется синкретизм художественно-изобразительных средств авторской поэтики. Возникает индивидуально ощущаемое состояние естественной гармонии и единения, неразделимости людей, вещей и положений.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч. в 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. Проза. 1918 - 1921. С.160–168.
3. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: дис. ... доктора филол. наук. Ставрополь, 2000. 412 с.
4. Буров А. А., Бурова Г. П. Эпитет в поэтическом тексте А.С. Пушкина: семиозис синтаксической номинации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 1. С. 4654.
5. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 613 с.
6. Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы: 1958–2000-е годы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 813 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.12.2024).
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.
9. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. М.: Гардарики. 2005. 287 с.
10. Косых Е. А. Русская ономазиология [Электронный ресурс]: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2016. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
11. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 153 с. URL: <https://www.directmedia.ru/book-99343-ocherk-nauki-o-yazyke/> (дата обращения: 30.12.2024).
12. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2011. 44 с.
13. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 17–200.
14. Российская грамматика Михаила Ломоносова. СПб: Печ. при Импер. Акад. наук, [1757]. 210 с.
15. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: ЛЕАНД, 2021. 334 с.
16. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Вавилон: Вестник молодой литературы. 1993. 2 (18). М.: АРГО-РИСК, 1993. С. 86–90.
17. Фатеева Н. А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016 С. 13–28.
18. Философская энциклопедия. В 5 т. / ред. Ф. В. Константинов. Т.5. М.: СЭ, 1970. С. 532–534.
19. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород: БелГУ, 2009. 302 с.
20. Чумак-Жунь И. И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б.Л. Пастернака // Русский язык в поликультурном мире: мат-лы VI Международного симпозиума. Ялта, 2022. С. 210–215.

21. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
22. Штайн К. Э. Гармоническая организация поэтического текста: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 – русский язык. Ставрополь, 1993. 441 с.
23. Штайн К. Э., Петренко Д. И. О концепции синтаксической формы наименования в монографии А. А. Бурова «Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке» // Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Монография. / Под ред. проф. К. Э. Штайн. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект», 2012. С. 383–396.
24. Языковая номинация. Виды наименований / АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 360 с.
25. Языковая номинация. Общие вопросы / АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 357 с.

References

1. Alefirenko NF. The "Living" word: Problems of functional lexicology: monograph. Moscow: Flinta; Nauka; 2009. 344 p. (In Russ).
2. Blok AA. On the appointment of a poet in Blok AA. Collected works in 8 volumes. Moscow: State Publishing House of Fiction; 1962. Vol. 6. Prose. 1918 - 1921. P. 160-168. (In Russ).
3. Burov AA. Substantive syntactic nomination in the Russian language: thesis. Stavropol; 2000. 412 p. (In Russ).
4. Burov AA, Burova GP. Epithet in the poetic text of A.S. Pushkin: semiosis of syntactic nomination. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(1):46-54. (In Russ).
5. Vinogradov VV. Russian language: a grammatical teaching of the word. Moscow: Higher School; 1972. 613 p. (In Russ).
6. Grigoriev VP. Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language: Selected works: 1958-2000-ies. Moscow: Languages of Slavic culture; 2006. 813 p. (In Russ).
7. Efremova TF. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming. Moscow: Russian Language; 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 12.20.2024). (In Russ).
8. Zhirmunsky VM. Theory of literature. Poetics. Stylistics. Leningrad: Nauka; 1977. 407 p. (In Russ).
9. Kostomarov VG. Our language in action: Essays on modern Russian stylistics. Moscow: Gardariki; 2005. 287 p. (In Russ).
10. Kosykh EA. Russian onomasiology: textbook. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2016. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (accessed: 12.01.2024). (In Russ).
11. Krushevsky NV. An essay on the science of language. Kazan; 1883. 153 p. URL: <https://www.directmedia.ru/book-99343-ocherki-nauki-o-yazyke/> (accessed: 12.30.2024). (In Russ).
12. Maslova ZhN. The poetic picture of the world and its representation in language: abstract thesis. Tambov; 2011. 44 p. (In Russ).
13. Potebnya AA. Thought and language in Potebnya AA. Word and Myth. Moscow: Pravda Publishing House; 1989. P. 17-20. (In Russ).
14. Mikhail Lomonosov's Russian Grammar. St. Petersburg: Published by the Imperial Academy of Sciences; 1757. 210 p. (In Russ).
15. Stepanov YuS. In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, and art. Moscow: LENAND; 2021. 334 p. (In Russ).
16. Tynyanov YuN. The problem of poetic language. *Vavilon: Vestnik molodoi literatury*; 1993. 2 (18). Moscow: ARGO-RISK; 1993. P. 86-90. (In Russ).
17. Fateeva NA. Linguistic creativity: approaches to the topic in Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. Issue 7. Moscow; 2016. P. 13-28.
18. Philosophical Encyclopedia. In 5 volumes. Ed. by FV Konstantinov. Vol. 5. Moscow: SE; 1970. P. 532-534. (In Russ).
19. Chumak-Zhun II. Poetic text in the Russian lyrical discourse of the late XVIII – early XXI centuries. Belgorod: Belgorod State University; 2009. 302 p. (In Russ).
20. Chumak-Zhun II. On the issue of the heuristic perspective of B.L. Pasternak's poetic discourse // Russian language in the multicultural world: proceedings of the VI International Symposium. Yalta; 2022. P. 210-215.
21. Shvedova NY. Pronoun and meaning Moscow: ABC Book; 1998. 176 p. (In Russ).
22. Stein KE. Harmonic organization of the poetic text: thesis. Stavropol; 1993. 441 p. (In Russ).
23. Stein KE, Petrenko DI. On the concept of the syntactic form of the name in AA Burov's monograph "Substantive syntactic nomination in the Russian language" in Burov AA. Substantive syntactic nomination in the Russian language. The monograph. Ed. by KE Stein. Stavropol-Pyatigorsk: Publishing Stavropol State University Publishing House "Academic Project"; 2012. p. 383-396. (In Russ).
24. Language nomination. Types of names. USSR Academy of Sciences; Institute of Linguistics. Moscow: Nauka; 1977. 360 p. (In Russ).
25. Language nomination. General questions. USSR Academy of Sciences; Institute of Linguistics. Moscow: Nauka; 1977. 357 p. (In Russ).